

Эта история — вымысел. Все совпадения случайны. Суждения героев не отражают мнения автора. Поступки и решения героев не являются рекомендацией.

Пролог

Сильные пальцы обхватывают лодыжку. От них по голени поднимаются мурашки, под кожей бьется пульс чужого тепла. Неожиданно, странно. Застигнутая врасплох, я замираю, как пойманная птица в руках охотника. Считаю секунды. Три. Четыре...

Может, показалось?

С силой зажмуриваюсь, прислушиваюсь к ощущениям. Не показалось. Незнакомец сидит на корточках за моей спиной, так близко, что кажется, будто тепло его дыхания окутывает мои бедра. Он касается меня без предупреждения, без слов. Его пальцы пробегают по коже, снимают зацепившийся за молнию капрон чулка. Скользящие прикосновения бегут вверх по голени, на секунду задерживаясь, лаская колена. Смазанная, небрежная ласка, поджигающая нервные окончания. Непрошенная близость, выдающая себя за неловкость.

Я прихожу в себя, собираюсь возмутиться, а то и лягнуть нахала, но меня останавливает его голос. Низкий, хриплый. Повелительный.

— Осторожнее, так и упасть недолго.

Бархатный тембр отзывается волнующей дрожью во всем теле.

Мужчина как бы прощально проводит ладонью чуть выше моего колена и поднимается в полный рост.

— Теперь ты в безопасности, — говорит с такой силой и уверенностью, что по моей спине бегут мурашки.

Теперь я в безопасности. Такому голосу невозможно не верить.

Глава 1

Минуту назад моей единственной проблемой было то, что я опаздывала на работу. Зашла в лифт, на ходу расстегивая пальто и гадая, какое наказание придумает начальник, бросила взгляд на стоящего в углу незнакомца — и застыла. Словно молнией прибило к полу. Вроде обычный мужчина, ничего примечательного, кроме взгляда, который охватил меня всю до кончиков волос. Насыщенный, слишком личный взгляд, неуместный в больничном лифте. Давит, притягивает, словно предупреждает, что незнакомец сейчас подойдет ко мне и... Что?

Не знаю, как описать ощущения. Словно отказали ноги, и я сейчас грохнусь на пол горой трепещущего студня. Страх? Нет, не совсем. Предчувствие чего-то неожиданного, острого, всепоглощающего.

Двери закрываются, и тогда я осознаю, что застыла на пороге лифта. Вот же... Шагаю внутрь и демонстративно отворачиваюсь от мужчины, но становится только хуже. Теперь он за моей спиной, и от его пристального внимания становится не по себе. Осязаемый взгляд мужчины, опасного и сильного. Я ощущаю незнакомца так явно, будто он прижался ко мне всем телом. Повожу плечами, пытаюсь стряхнуть его взгляд. Ощущаю себя обнаженной. Уязвимой.

Мне это не нравится, беспомощность не мое амплуа.

В триллерах лифт останавливается с жутким скрежетом, и героиня остается наедине с маньяком. В дамских романах лифт замирает между этажами, и донельза испуганная девственница падает в объятия мускулистого красавца, богатого и склонного к любви с первого взгляда.

А в моей истории лифт мерно жужжит и не собирается ломаться. Секунды бьются в груди взволнованным пульсом. Мы проезжаем четвертый этаж, пятый. Попутчику на десятый, мне на одиннадцатый. Я слышу его дыхание за спиной. Спокойное, в отличие от моего, сбивчивого.

Он просто едет в лифте, а я ..

Незнакомец сбил меня с курса, с дыхания, с мыслей, и я не понимаю почему.

Лифт просторный, и я могу отойти подальше от мужчины. Или могу обернуться, заговорить о погоде. Спросить, кого он навещает в больнице. Погасить искрящееся напряжение парой вежливых фраз и победить мою неуместную растерянность.

Пытаюсь сдвинуться с места, но не могу. Движок молнии ботильона зацепился за чулок, капрон натянулся. Неловко сжимаю ноги, потому что наклониться не могу. Дело не в длине юбки, а в том, что я вообще еле двигаюсь. Понятия не имею, почему незнакомец так на меня подействовал, никогда раньше такого не случалось. Порой в лифте такая толпа, что на вдохе упираешься грудью в чужую спину, и кто попал на тебя глазеет. Однако меня мало что нервирует, я спокойная. Моя жизнь идет как надо. Я будущий нейрохирург, скоро окончу ординатуру в одной из лучших больниц страны. Наслаждаюсь каждым рабо-

чим днем, только вот сегодня опаздываю. Проспала, но не признаюсь в этом начальству даже под дулом пистолета. Чтобы хирург да проспал... позорище! Сплю как бревно, вот и проспала, другого оправдания нет.

Мне везет, по-другому и не скажешь. Обожаю свою работу — клацанье инструментов, заковыристые шутки хирургов, запах антисептиков, сердцебиение приборов. Каждая операция — маленькое торжество над болезнью. Обожаю! Это мой мир, и я не знаю другого, не знаю и не хочу знать. Я, мои инструменты, больной — все, что мне нужно для счастья.

Обычно я уравновешенная и адекватная. Без срывов, без характерного для молодых врачей мандража. Поэтому странный паралич в лифте как внезапный хук слева. Не ожидала от себя такой глупости. Чтобы от пристального мужского взгляда пробрало до костей, такого не случалось. Надо собраться с силами, отойти подальше от незнакомца и не загораживать двери лифта, а то похожа на фанатку, ошалевшую при виде кумира.

Стреноженная чулками, я наконец решаюсь сделать шаг. Крохотный, опасливый, как по канату. В этот момент лодыжки касаются чужие пальцы.

Незнакомец до меня дотронулся? В общественном лифте?

Больше, чем дотронулся. Его пальцы оставляют на коже ласкающий узор, и это слишком. Слишком неприлично, неуместно и... волнующе.

Задержав дыхание, я опускаю взгляд. Рукав белой рубашки без запонок, крупные пальцы, коротко подстриженные ногти. Мужчина обхватывает мою лодыжку

и осторожно высвобождает зацепившийся капрон. Нет, не просто высвобождает. Мимолетной лаской касается кожи, защищенной всего лишь тонким капроном. Делится со мной теплом. Шумно выдыхает, щекоча мою и так сверхчувствительную кожу, а потом задерживает дыхание. Собирается убрать руку, но его словно что-то удерживает. Проводит кончиками пальцев по моей голени и не дышит.

А я.. Не подобрать слов. Мой мир сузился до точки его прикосновения, до непрошенного тепла его руки. По телу вихрем проносится чувственная буря, которой нет объяснения. И контроля над ней тоже нет. Это сильнее обычной близости, опаснее первой влюбленности. Они были и прошли, не оставив ни шрамов, ни тягучей патоки воспоминаний. А это.. и стыд, и предательская слабость в коленях, и неузнавание самой себя, адекватной и предсказуемой.

Это самый интимный момент моей жизни, и он происходит в общественном месте. В лифте.

Такого со мной не случилось никогда. Уж точно не на работе, не в больнице.

Вы когда-нибудь гладили незнакомого человека в лифте? А хирурга в больнице гладили? Нет? Вот и я о чем.

Я должна срочно прекратить это безобразие, вернуть и заново доказать мою хваленую адекватность.

— Осторожнее, так и упасть недолго, — предупреждает незнакомец, и я млею от его голоса. Я. Млею. Ну и позорище!

Не успеваю возмутиться, как он поднимается на ноги и сообщает, что я в безопасности. Посторонний мужчина

спас меня от коварно зацепившегося капрона, а я стою, вытаращив глаза, и не могу выдавить даже банальное «спасибо».

Лифт останавливается на десятом этаже, двери открываются, и я вздрагиваю. Будто просыпаюсь от гипноза. Что за чертовщина? Толком не разглядела мужика, а поплыла, как тающий снеговик. Не курю, не пью особенно, стресс не выше обычного, а крыша таки поехала. Говорят, некоторые мужчины могут соблазнить одним взглядом. Меня-то он не соблазнит, но эффект отрицать не стану: основательно торкнуло.

Из задумчивости меня вырывает очередное прикосновение. Незнакомец касается моей талии, сжимает. Его руки медленно сползают ниже, на бедра.

— Что вы себе позволяете?! — Мое возмущение вырывается наружу. Голос хриплый, как после попойки.

— Пытаюсь выйти из лифта.

Ах да, я до сих пор загораживаю двери, а это его этаж.

Незнакомец отодвигает меня в сторону, как предмет мебели, и выходит. Я успеваю заметить усмешку на ничем не примечательных губах. На ничем не примечательном лице.

Выйдя в коридор, он останавливается и смотрит по сторонам, словно пытаясь вспомнить, куда шел.

— Вам помочь? — спрашивает проходящая мимо медсестра и приветливо улыбается.

Он молчит. Поворачивается в профиль и дотрагивается до щеки. До места, которого касается мой пристальный взгляд. Двери лифта закрываются, и незнакомец поводит плечами, прислушиваясь к тихому скрежету.

Ловлю себя на бешеной мысли: пусть обернется, сунет руку между створками лифта, чтобы они снова открылись, и зайдет обратно.

Только вот зачем?

Двери закрываются, и моя рука тянется к ним. К нему. И что дальше?

Не спросишь же: почему я так странно себя чувствую? Что в тебе особенного?

После таких вопросов я сама себя сброшу в шахту лифта.

Слегка покачиваясь, лифт отчаливает вверх, прочь от неизвестно чего. И кого.

Случаются странные встречи. Все мысли обломаешь, пытаешься понять, в чем дело. Вдруг это судьба, вдруг предупреждение, вдруг еще что... Твоя так называемая вторая половинка.

На самом деле скрытого смысла в таких встречах кот наплакал. От усталости и не такое привидится. Нечего зависать на ерунде, лучше заняться делом. Вторых половинок не бывает, уж я-то знаю!

Верьте мне, я хирург.

* * *

Не сводя глаз с начальства, Пашка протягивает мне половину круассана в помятой салфетке.

— Тебе капец! — говорит одними губами.

И без него знаю, что капец. За опоздания у нас чуть ли не четвертуют, а я даже переодеться не успела. По пути в ординаторскую наткнулась на обход. Заведующий

окружен свитой, ординаторы кучкуются вокруг, и теперь все внимание сосредоточилось на мне. Не пройти и не скрыться. На фоне белых халатов моя красная блузка как провокация, как красная тряпка для быка. А у меня еще и пальто в руках.

Заметив меня, заведующий в предвкушении потирает руки, готовясь смешать меня с землей, а то и чем похуже.

— Надеюсь, вы выспались, Валерия Михайловна? Судя по внешнему виду, вы собираетесь на вечеринку или только с нее возвращаетесь. Не смеем вас задерживать!

— Прошу прощения за опоздание, Ярослав Игоревич, это больше не повторится.

Ординаторы перешептываются, пытаются угадать мое грядущее наказание. Заведующий скрещивает руки на груди и ждет. Надеется услышать от меня жалкое вранье — автобус перевернулся, ключ сломался, дверь заклинило. Мои оправдания нужны ему как материал для насмешек. Однако я молчу и этим раздражаю его еще сильнее.

— Вы правы, Валерия Михайловна, это действительно больше не повторится, потому что безалаберным и ненадежным не место в этой больнице. — Ярослав Игоревич добавляет пару нелестных комментариев о моем непрофессиональном настрое и внешнем виде и завершает многообещающим: — Разберусь с вами после обхода!

Остальные ординаторы смотрят на меня со смесью сочувствия и злорадства. Не подумайте дурного, они хорошие люди, просто у нас так принято: каждый день кто-то принимает удар на себя. Сегодня я, завтра они. Этой тренировки характера не избежать, таков уж мир сильней-

ших. Мы рискнули подписаться на профессию, которая не допускает слабостей, а это значит, что мы притворяемся сильными. Самыми-самыми. Каждый божий день.

После обхода меня ждет разнос. Полный. Перечисление всех моих грехов, нотации, а потом все вернется на круги своя. В качестве наказания получу дополнительные задания, и заведующий не возьмет меня ассистировать, что обидно. Ординаторы сражаются за возможность ассистировать лучшим хирургам на самых интересных операциях. Выигрывает удачливый или тот, кто слышит будильник.

— Ступайте, Валерия Михайловна, а то вы смущаете нас своими нарядами! — издевается заведующий. — Зачем вам быть нейрохирургом? Найдите профессию попроще! Представьте, как хорошо будет: сможете наряжаться, а не носить скучные хирургические костюмы. Будете спать до полудня. Отрастите ногти подлиннее, сделаете маникюр... — ядовито усмехается, довольный своей фантазией.

Ярослав Игоревич всегда такой. Острый на язык, беспощадный. Говорит, что с ординаторами по-другому нельзя, иначе разболтаемся. Не знаю, правда это или нет, но сейчас не время спорить с начальством.

— Всего хорошего! — Он машет рукой, повелевая мне удалиться.

Делаю шаг в сторону ординаторской, но Пашка хватает меня за руку и яростно трясет головой.

— Умоляй! — шепчет, корча невыносимые рожи.

Что-то происходит, иначе он не стал бы так рисковать. Когда ординатора втаптывают в грязь, остальные стоят

в стороне, а то забрызгает. Должна быть уважительная причина, чтобы вмешаться и подставить себя под удар.

Умолять при всех — противное дело, но я доверяю инстинктам и слушаюсь совета Пашки. Не могу сказать, что мы друзья, но нечто подобное. Наши отношения основаны на отсутствии конкуренции, а в среде ординаторов это почти дружба. После окончания ординатуры Пашка собирается вернуться в родной город, поэтому не борется за шанс остаться в клинике Ярослава Игоревича. А я борюсь всеми силами, стараюсь и надеюсь. Хочу и дальше работать под руководством великого, талантливого, хотя и несколько эксцентричного нейрохирурга.

Делаю глубокий вдох и начинаю умолять. Низменно.

— Ярослав Игоревич, я готова понести любое наказание, только позвольте присоединиться к обходу. Очень сожалею, что опоздала..

Мне действительно стыдно, поэтому я искренне извиняюсь и намекаю на крайне уважительную причину, которую пока что не придумала. Довольный моей капитуляцией, Ярослав Игоревич ухмыляется и царственным кивком позволяет остаться. Дело не в доброте душевной и уж точно не в мягкости характера, а в том, что за мой огрех ему дозволяется меня третировать. А это он любит.

Я оборачиваюсь и с мольбой смотрю на знакомую медсестру. Та понимает без слов: забирает мое пальто и приносит запасной белый халат. Важный секрет для молодого врача: хотите достичь успеха — дружите с медсестрами. Именно они правят этим миром.

Скорее бы узнать, ради чего я умоляла заведующего. Ничего необычного не происходит, и Ярослав Игоревич